

М.А. РОЖКОВА

Понятие "имущество" в правоположениях Европейского суда по правам человека

1. В соответствии со ст. 19 Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹ (далее - Конвенция) в целях обеспечения соблюдения обязательств, принятых на себя государствами - участниками Конвенции, был учрежден Европейский Суд по правам человека (далее - ЕСПЧ). Таким образом, ЕСПЧ представляет собой независимую международную организацию, учрежденную государствами - участниками Конвенции для цели контроля за соблюдением этими государствами прав и свобод, гарантированных Конвенцией и Протоколами к ней.

Указанная цель (контроль за соблюдением государствами - участниками положений Конвенции и Протоколов к ней) определяет деятельность ЕСПЧ - деятельность международного органа, осуществляющего свои функции в судебной форме. Именно судебная форма контроля за соблюдением Конвенции государствами - участниками принятых обязательств, равно как и возможность частных лиц обратиться с жалобой на нарушения их прав в конкретном государстве, стали составляющими авторитета и столь возросшей в последнее время популярности ЕСПЧ.

Государства - участники Конвенции приняли на себя обязательства обеспечить каждому находящемуся под их юрисдикцией права и свободы, определенные в Конвенции и Протоколах к ней (ст. 1 Конвенции). И в том случае, если на территории государства - участника Конвенции имело место нарушение прав или свобод конкретного лица, провозглашенных Конвенцией и Протоколами к ней, это государство признается ЕСПЧ нарушившим Конвенцию. Государство - участник Конвенции, признанное нарушившим Конвенцию, обязано устранить не только само нарушение, но и причины, приведшие к возможности такого нарушения. Иными словами, государство - участник Конвенции, признанное нарушившим Конвенцию, должно осуществить какое-либо мероприятие (ряд мероприятий), чтобы исключить возможность повторения подобных ситуаций.

Сказанное позволяет подчеркнуть специфику дел, рассматриваемых ЕСПЧ: предметом разбирательства всегда является жалоба на нарушение государством - участником Конвенции прав, гарантированных Конвенцией и Протоколами к ней. При этом вопрос о таком нарушении может быть поставлен как любым государством - участником Конвенции (межгосударственное дело)², так и частным лицом путем подачи индивидуальной жалобы (ст. 33, 34 Конвенции).

Принципиально важным является то, что жалобы на нарушения прав и свобод, направленные против государства - участника Конвенции, по сути, обращены к его органам (государственным органам), которые в процессе своей деятельности не смогли исключить возможность нарушения прав и свобод конкретного лица или группы лиц. Иными словами, в ЕСПЧ рассматривается вопрос, действительно ли властными органами (органами законодательной, исполнительной или судебной власти) конкретного государства - участника Конвенции создана ситуация, при которой имело место нарушение прав, гарантированных Конвенцией и Протоколами к ней.

Такое нарушение может быть последствием того, что:

- законодательной властью не было сформулировано четкого правила для типичных ситуаций, и образовавшаяся в результате правовая неопределенность создала опасность нарушения прав, провозглашенных Конвенцией и Протоколами к ней.

Наиболее ярким примером, здесь, пожалуй, будет противоречивость норм подведомственности дел с участием коммерческих организаций и граждан, которая не исключает возможность неоднократной передачи дел из суда общей юрисдикции в арбитражный суд. Так, заявитель жаловался в ЕСПЧ на чрезмерную длительность рассмотрения его дела, которая, как установил ЕСПЧ, вызвана противоречивостью норм российского права, регулирующих подведомственность дел с участием

¹ Официальный перевод текста Конвенции о защите прав человека и основных свобод на русский язык опубликован в Собрании законодательства Российской Федерации. 2001. N 2. Ст. 163.

² Жалобы государств - участников Конвенции не представляют интереса для целей настоящей работы и не будут здесь рассматриваться.

коммерческих организаций и физических лиц³. ЕСПЧ подчеркнул, что результатом применения российскими судами этих правовых норм в данном случае явилась повторяющаяся передача дела из судов общей юрисдикции в арбитражные суды и обратно, что и привело в конечном счете к нарушению права на справедливое судебное разбирательство в разумные сроки (п. 1 ст. 6 Конвенции);

- сложившаяся административная практика является неправомерной, и отсутствие мер ответственности органов исполнительной власти создало опасность нарушения прав, провозглашенных Конвенцией и Протоколами к ней.

Практика ЕСПЧ демонстрирует немало примеров, когда административная практика органов государства явно противоречит положениям Конвенции и Протоколов к ней. Например, заявитель, являющийся адвокатом, обратился в ЕСПЧ с жалобой, указывая следующие обстоятельства⁴. Органами прокуратуры было возбуждено уголовное дело в отношении ряда лиц, и в связи с этим следователь прокуратуры постановил провести обыск в квартире заявителя, который был представителем некоторых из указанных лиц. Это постановление было мотивировано тем, что в квартире заявителя могли находиться предметы и документы, имеющие значение для расследования этого дела. В итоге квартира заявителя была обыскана; у него были изъяты документы и компьютер. Требование о признании обыска и изъятия незаконным, предъявленное заявителем в суд, было отклонено (суд признал, что обыск был произведен в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством); суд кассационной инстанции подтвердил правильность вынесенного судебного решения. ЕСПЧ признал данную жалобу приемлемой в части указания на нарушение ст. 8 Конвенции, предоставляющей право на уважение частной жизни; ст. 13 Конвенции, гарантирующей право на эффективное средство правовой защиты (у заявителя не было реальной возможности защитить свои нарушенные права); ст. 1 Протокола N 1 к Конвенции, направленной на защиту права на имущества (сложившаяся административная практика привела к тому, что заявитель был лишен своего имущества);

- судебные органы при разрешении спора отступали от основных принципов судопроизводства или нарушали правила порядка судопроизводства, чем создавали опасность нарушения прав, провозглашенных Конвенцией и Протоколами к ней.

Самыми распространенными, пожалуй, будут дела, в которых заявители жалуются на чрезмерную длительность судебного разбирательства. Например, по одному из дел ЕСПЧ установил, что заявитель оспаривал в суде общей юрисдикции свое увольнение, требуя выплаты заработной платы за период вынужденной безработицы. Рассмотрение дела продолжалось 6 лет 10 месяцев и 26 дней, в результате чего суд прекратил производство по делу на том основании, что компания-работодатель (ответчик) ликвидирована⁵. В настоящем деле ЕСПЧ признал, что допущенная судами волокита повлекла за собой нарушение права заявителя на справедливый суд (п. 1 ст. 6 Конвенции).

2. Важным представляется подчеркнуть следующее: несмотря на то что предметом большинства дел, рассматриваемых ЕСПЧ, являются жалобы физических лиц (граждан), это вовсе не свидетельствует о том, что подобные нарушения не допускаются в отношении прав юридических лиц и, в частности, коммерческих организаций; этому есть иное объяснение.

Дело в том, что достаточно длительное время превалировало мнение о том, что в ЕСПЧ коммерческие организации обращаться не могут. В известной степени оно было основано на наименовании Конвенции, которое содержит указание на права и свободы человека; отчасти - на неправильной трактовке положений ст. 34 Конвенции, предусматривающей возможность обращения в ЕСПЧ физических лиц, неправительственных организаций или группы частных лиц.

Это неверное представление привело к тому, что отечественными коммерсантами (индивидуальными предпринимателями и коммерческими

³ Постановление ЕСПЧ от 24 марта 2005 г. по делу "Бабурин против России", жалоба N 55520/00 (CASE OF BABURIN v. RUSSIA). Аналогичная позиция изложена в Постановлении ЕСПЧ от 22 июня 2006 г. по делу "Авакова против России", жалоба N 30395/04 (CASE OF AVAKOVA v. RUSSIA).

⁴ Решение ЕСПЧ от 30 июня 2006 г. относительно приемлемости жалобы "Смирнов против России" N 71362/01 (CASE OF SMIRNOV v. RUSSIA).

⁵ См., например, Постановление ЕСПЧ от 23 июня 2005 г. по делу "Зименко против России", жалоба N 70190/01 (CASE OF ZIMENKO v. RUSSIA).

организациями) практически не использовался такой способ защиты, как обращение в ЕСПЧ. В результате вопросы нарушения прав участников российского экономического оборота попросту не попадали в "орбиту" внимания ЕСПЧ. Указанное заблуждение в отношении возможностей ЕСПЧ рассматривать жалобы коммерческих организаций повлекло также и то, что его прецедентная практика не анализировалась для целей ее учета при разрешении именно коммерческих споров. И, следовательно, не оказывала того влияния, которое, по сути, должна была бы оказывать (в том числе и на отправление правосудия в арбитражных судах РФ).

Данное ошибочное убеждение, чрезвычайно распространенное не только в среде российских коммерсантов, но и в отечественном судебном сообществе, было в некотором роде "подорвано" Постановлением ЕСПЧ, вынесенным по индивидуальной жалобе российского акционерного общества "Совтрансавто против Украины"⁶. Затем последовало еще несколько решений и постановлений ЕСПЧ, которые были вынесены по жалобам юридических лиц. Так, сравнительно недавно ЕСПЧ вынес Постановление по индивидуальной жалобе "ООО "Русатоммет" против России", предметом которой было длительное неисполнение вступившего в силу решения арбитражного суда⁷.

Таким образом, неправильный вывод о том, что ЕСПЧ принимает к рассмотрению только индивидуальные жалобы физических лиц, был очередной раз опровергнут постановлением по конкретному делу.

Однако необходимо кратко проанализировать конвенционные основы для такого вывода.

Согласно ст. 34 Конвенции с индивидуальной жалобой против государства - участника Конвенции может обратиться только физическое лицо, неправительственная организация или группа частных лиц. Не останавливаясь на трактовке термина "физическое лицо", необходимо отметить, что термином "неправительственные организации" в практике ЕСПЧ охватываются не только некоммерческие и общественные организации, но и организации, преследующие цели извлечения прибыли вне зависимости от того, являются ли они юридическими лицами (в том числе в связи с неполучением статуса юридического лица или его утраты). Практика ЕСПЧ знает немало решений, вынесенных по делам, инициированным неправительственными организациями - профсоюзами и иными профессиональными организациями, а также банками, страховыми компаниями, различными коммерческими организациями и т.д. Все они вправе обращаться в ЕСПЧ по вопросам, связанным с нарушением принадлежащих им прав, признаваемых Конвенцией, как самостоятельно, так и совместно с иными лицами.

В то же время правительственные или иные государственные органы (органы, обладающие политической властью), а также должностные лица таким правом обращения с индивидуальной жалобой в ЕСПЧ не обладают. Отказывая в признании за государственными органами (например, муниципалитетами и образованными ими органами) правомочия подавать индивидуальные жалобы, ЕСПЧ тем самым обоснованно исключает из своего ведения внутригосударственные споры - споры между различными ветвями власти одного государства⁸.

3. Статья 46 Конвенции предусматривает, что государства - участники Конвенции обязуются исполнять окончательные постановления ЕСПЧ по делам, в которых они являются сторонами. Из этого положения вытекают несколько весьма важных выводов.

3.1. Конвенция говорит об обязательности исполнения окончательных постановлений. Это требует разъяснений в отношении того, что же следует понимать под термином "окончательное постановление".

⁶ Постановление ЕСПЧ от 2 октября 2003 г. по делу "Совтрансавто Холдинг против Украины", жалоба N 48553/99 (CASE OF SOVTRANSAVTO HOLDING v. UKRAINE).

⁷ Постановление ЕСПЧ от 14 июня 2005 г. по делу "ООО "Русатоммет" против России", жалоба N 61651/00 (CASE OF RUSATOMET LTD. v. RUSSIA) // Вестник ВАС РФ. 2006. N 1.

⁸ Интересным с этой точки зрения является Постановление ЕСПЧ от 27 июля 2006 г. по делу "Канаяев против России" (CASE OF KANAYEV v. RUSSIA), жалоба N 43726/02. Как следует из жалобы, военный суд вынес решение о присуждении заявителю, офицеру Вооруженных Сил России, 598 рублей компенсации транспортных расходов и 202 рубля судебных расходов. Решение, однако, окончательно было исполнено только через два года. ЕСПЧ признал нарушенным право заявителя на имущество (ст. 1 Протокола N 1 к Конвенции), но не нашел оснований для применения п. 1 ст. 6 Конвенции, поскольку счел, что вследствие достаточно высокого должностного положения заявителя он является носителем части суверенной власти государства, что не позволяет рассматривать его трудовой спор с властями в качестве гражданского спора.

В тех случаях, когда индивидуальная жалоба принимается к производству в ЕСПЧ, решается вопрос о ее приемлемости, о чем ЕСПЧ выносит решение (решение о приемлемости). Если в отношении приемлемости жалобы вынесено положительное решение (она признана приемлемой), ЕСПЧ по общему правилу рассматривает ее по существу, если отрицательное (жалоба признана неприемлемой) - это решение становится окончательным и дело снимается со слушания (вычеркивается из списка)⁹.

По итогам рассмотрения жалобы по существу ЕСПЧ выносит постановление (окончательное постановление), в котором делает вывод о том, имело ли место нарушение провозглашенных Конвенцией прав конкретного лица. В случае установления факта нарушения прав конкретного лица ЕСПЧ указывает первопричину, приведшую к этому нарушению, и тем самым способствует ее устранению.

3.2. В Конвенции упоминается об обязательности исполнения государством - участником Конвенции только тех постановлений ЕСПЧ, которые приняты по делам против данного государства. Иными словами, постановление ЕСПЧ, в котором установлено нарушение прав человека, гарантированных Конвенцией, является обязательным для исполнения тем государством, жалоба против которого была предметом рассмотрения в данном деле. Однако это постановление ЕСПЧ не носит обязательного характера для иных государств - участников Конвенции, которые в этом деле не участвовали и не требуют от них действий по его исполнению.

Сказанное ничуть не умаляет значимость прецедентной практики ЕСПЧ, а напротив, позволяет подчеркнуть то обстоятельство, что государства - участники Конвенции не исполняют, но обычно учитывают те постановления ЕСПЧ, которые вынесены в отношении других государств - участников Конвенции. То есть государства - участники Конвенции принимают во внимание всю практику ЕСПЧ. Указанное обстоятельство объясняется весьма просто - такой подход позволяет избежать допущения новых нарушений Конвенции и, как следствие, новых постановлений ЕСПЧ, которыми признается нарушение конкретным государством принятых на себя международных обязательств.

Безусловно, с формальной точки зрения государства - участники Конвенции не возлагали на себя обязательства следовать всем актам ЕСПЧ. Однако игнорирование государствами - участниками Конвенции постановлений, принимаемых в отношении иных стран, было бы неверным: ЕСПЧ признает себя связанным прецедентом при рассмотрении последующих жалоб и обычно указывает в своих постановлениях на сложившуюся прецедентную практику. Таким образом, нарушение Конвенции и Протоколов к ней, выявленное ЕСПЧ в отношении одного государства, является для всех иных государств - участников Конвенции своего рода "предупреждением" о том, что оно должно предпринять определенные меры для исключения подобных ситуаций. В противном случае государство - участник Конвенции становится потенциальным "ответчиком".

Говоря о значимости постановлений, нельзя обойти вниманием вопрос влияния на внутреннее законодательство государств - участников Конвенции, а также их административную и судебную практику других актов ЕСПЧ - решений о приемлемости.

Дело в том, что правовые положения, содержащиеся в решениях о приемлемости жалоб, имеют ту же силу и значимость, что и постановления, вынесенные против других государств - участников Конвенции. То есть они не являются обязательными к исполнению по смыслу ст. 46 Конвенции, но должны учитываться для тех же целей - для целей избежать нарушения прав, гарантированных Конвенцией и Протоколами к ней.

Резюмируя вышесказанное, можно говорить о том, что обязательным к исполнению для государства, которое признано нарушителем Конвенции, является только постановление по жалобе, поданной против него; однако государства - участники Конвенции должны учитывать всю практику ЕСПЧ для цели избежать нарушения Конвенции и Протоколов к ней.

3.3. Как уже говорилось, постановление ЕСПЧ, вынесенное в отношении конкретного государства - участника, имеет для него обязательную силу. При этом важным является то, что ЕСПЧ никогда своим постановлением не обязывает государство принять конкретное судебное решение, изменить сложившуюся

⁹ Подробнее о порядке деятельности ЕСПЧ см.: Рожкова М.А., Афанасьев Д.В. Новые правила обращения в Европейский Суд по правам человека. Текст Регламента, новеллы, комментарии. М.: Статут, 2004.

административную практику либо пересмотреть внутреннее законодательство - он только констатирует нарушение государством - участником Конвенции прав, гарантированных Конвенцией и Протоколами к ней (констатирует нарушение государством принятых на себя международных обязательств). Таким образом, ЕСПЧ не отменяет решение, вынесенное государственным органом власти (в том числе судебным органом); не дает указаний законодательным органам государства; не контролирует законодательство либо судебную или административную практику; не дает властным органам государства распоряжений о принятии мер, имеющих правовые последствия, и не вмешивается каким-либо иным образом в деятельность властного органа, в отношении которого подавалась рассмотренная жалоба. Противоположный подход создавал бы угрозу статусу государства - участника Конвенции как суверенного государства¹⁰.

4. Помимо вывода относительно факта нарушения государством - участником Конвенции прав, гарантированных Конвенцией, ЕСПЧ в своем постановлении решает вопросы возмещения заявителю ущерба, причиненного нарушением его прав, а также возмещения его судебных расходов, которые в совокупности охватываются термином "справедливая компенсация"¹¹. При этом государство - участник Конвенции, признанное нарушителем, может быть присуждено не только к выплате заявителю справедливой компенсации, но и к выплате процентов на случай несвоевременного исполнения обязанности по возмещению материального и неимущественного вреда заявителю.

Например, в Постановлении по упомянутому выше делу "ООО "Русатоммет" против России" ЕСПЧ отметил следующее: "Решение арбитражного суда г. Москвы от 10 апреля 2002 г. остается невыполненным до настоящего времени. Европейский Суд полагает, что выплата властями Российской Федерации суммы, причитающейся компании-заявителю в соответствии с судебным решением, явится полным и окончательным разрешением спора. Следовательно, Европейский Суд присуждает компании-заявителю 100 тыс. долларов США в качестве материального ущерба... Европейский Суд полагает, что в результате установленного нарушения компании-заявителю был причинен вред, в качестве компенсации которого не может служить простое признание Европейским Судом факта нарушения. Разрешая вопрос на справедливой основе, Европейский Суд присуждает компании - заявителю 2 тыс. евро в качестве компенсации неимущественного вреда... Европейский Суд полагает, что процентная ставка в случае неисполнения обязательства должна основываться на предельной годовой ставке кредитования Европейского центрального банка плюс три процента".

Однако надо отметить, что справедливая компенсация не является наказанием государства - участника Конвенции, признанного нарушителем положений Конвенции и Протоколов к ней. В ответ на требования некоторых заявителей присудить выплату денежных средств в качестве наказания за допущенное государством нарушение Конвенции и Протоколов к ней ЕСПЧ неоднократно отмечал, что не видит для того никаких оснований. Проценты, назначаемые ЕСПЧ за просрочку срока, установленного для выплаты денежной компенсации, также не преследуют цели наказания и назначаются в размере предельной годовой ставки кредитования Европейского центрального банка плюс три процента.

5. Констатация ЕСПЧ одного или нескольких нарушений положений Конвенции и Протоколов к ней налагает на государство - участника Конвенции, признанного нарушителем, определенные обязанности по исполнению постановления (хотя, как указывалось выше, ЕСПЧ в постановлении прямо не возлагает на государство никаких обязанностей). Эти обязанности включают в себя:

¹⁰ Развивая сказанное, хотелось бы специально подчеркнуть, что ЕСПЧ не является высшей инстанцией по отношению к судебной системе России (как государства - участника Конвенции). В силу этого ЕСПЧ не правомочен, например, отменить вынесенное судебное решение и направить дело на новое рассмотрение либо пересмотреть его по существу; однако он полномочен указать на факты нарушения прав, гарантированных Конвенцией и Протоколами к ней, которые были допущены российскими судебными органами при разбирательстве дел.

¹¹ Иными словами, "справедливая компенсация" предоставляется заявителю на основании ст. 41 Конвенции для возмещения: (а) материального ущерба, причиненного нарушением прав, гарантированных Конвенцией; (б) нематериального ущерба; (в) судебных расходов и издержек.

- во-первых, обязанность государства положить конец выявленному конкретному нарушению и устранить его последствия, восстановив ситуацию, существовавшую до нарушения прав заявителя;

- во-вторых, обязанность государства принять общие действенные меры для предотвращения новых нарушений Конвенции и Протоколов к ней, подобных нарушению, выявленному данным постановлением ЕСПЧ.

Данные обязанности есть международные обязательства, принятые каждым государством - участником Конвенции при вступлении в нее.

Государство - участник Конвенции, признанное нарушившим гарантированные Конвенцией и Протоколами к ней права, не может уклониться от исполнения упомянутых обязанностей. За исполнением постановлений ЕСПЧ в части выплаты справедливой денежной компенсации следит Комитет Министров Совета Европы (это предусмотрено п. 2 ст. 46 Конвенции). То есть Комитет Министров, куда передаются все постановления ЕСПЧ, проверяет, были ли государством - участником Конвенции, признанным нарушителем положений Конвенции и Протоколов к ней, приняты адекватные меры по исполнению обязанностей, вытекающих из постановления ЕСПЧ (или обязанностей, принятых этим государством в случае достижения дружественного урегулирования).

Необходимо подчеркнуть, что осуществляется именно проверка исполнения. Эта проверка осуществляется в форме наблюдения за законодательными или административными реформами, которые проводятся государством - участником Конвенции, признанным нарушителем положений Конвенции и Протоколов к ней, но Комитет Министров не уполномочен прямо вмешиваться в выполнение постановления по делу государством, которое было признано нарушителем.

Кроме того, Комитет Министров контролирует выплату государством - участником Конвенции, признанным нарушителем, как суммы справедливой компенсации, так и процентов за просрочку исполнения (если нарушен трехмесячный срок исполнения по денежным выплатам). В силу этого данное государство должно информировать Комитет Министров о факте и дате выплаты присужденной справедливой компенсации. Факт и дата выплаты регистрируются, и в случае их соответствия условиям, определенным ЕСПЧ в постановлении, Комитет Министров закрывает финансовый аспект дела.

Таким образом, ни одно государство - участник Конвенции не принуждается силой к исполнению постановления ЕСПЧ. Но за всю многолетнюю деятельность ЕСПЧ не было зафиксировано ни одного случая открытого отказа государства - члена Совета Европы от исполнения вынесенного постановления. Напротив, государство - участник Конвенции может, например, констатировать, что при существующем нормативно-правовом регулировании и сложившейся судебной практике рассмотренная ЕСПЧ ситуация может повториться, и само вносит необходимые новации в национальное законодательство.

6. Выше была рассмотрена обязательность исполнения постановлений ЕСПЧ: она подразумевает обязанность государства, признанного нарушителем прав, гарантированных Конвенцией и Протоколами к ней, принять меры частного и общего характера для целей устранить последствия этого нарушения и создать предпосылки для недопущения в будущем подобных нарушений. То есть обязательными для исполнения Россией как государством - участником Конвенции являются окончательные постановления ЕСПЧ, вынесенные по делам, в которых Россия является стороной. Обязанность исполнять постановления ЕСПЧ - это обязанность, вытекающая из международного договора (Конвенции), участником которого является Россия.

Вместе с тем, как уже указывалось ранее, в силу ст. 46 Конвенции иные акты ЕСПЧ (постановления, вынесенные против иных государств - участников Конвенции, и все решения о приемлемости) не являются для России обязательными к исполнению, однако могут оказывать воздействие на законодательство, административную и судебную практику России как государства - участника Конвенции.

Сказанное позволяет провести следующее разграничение:

(1) обязательной для исполнения Россией в силу международного договора является резолюция ЕСПЧ, содержащаяся в постановлении ЕСПЧ, вынесенном по жалобе против России (о признании нарушения положений Конвенции и Протоколов к ней, допущенного Россией, возмещения причиненного заявителю вреда и т.д.);

(2) обязательными для учета российскими государственными органами являются правоположения, содержащиеся во всех актах ЕСПЧ (всех постановлениях и решениях о приемлемости) для целей исключения ситуаций нарушения прав граждан и организаций, гарантированных Конвенцией и Протоколами к ней. Таким образом, все правоположения, сформулированные в прецедентной практике ЕСПЧ, должны учитываться российскими государственными органами¹².

Правоположения, сформулированные в прецедентах ЕСПЧ, суть положения Конвенции, которым ЕСПЧ дал необходимое толкование. ЕСПЧ, являясь единственным органом, уполномоченным официально толковать и разъяснять весьма краткие формулировки положений Конвенции и Протоколов к ней, реализуя эту компетенцию, тем самым расширяет границы действия Конвенции и наполняет ее положения новым смыслом. В связи с этим можно говорить о том, что положения Конвенции находятся в постоянном развитии, которое напрямую зависит от появления новых постановлений ЕСПЧ (иногда говорят, что Конвенция - это то, что о ней говорится в постановлениях ЕСПЧ). Толкование и разъяснение положений Конвенции, даваемое ЕСПЧ, имеет целью снизить вероятность нарушений прав, провозглашенных Конвенцией и Протоколами к ней, в государствах - участниках Конвенции. Следовательно, применение Конвенции в правовой системе всякого государства - участника Конвенции возможно только так, как она понимается в практике ЕСПЧ¹³.

7. Переходя к вопросу понятия "имущество" в практике ЕСПЧ, необходимо осветить существующую проблему терминологии.

Наличие данной проблемы обнаруживается при прочтении перевода постановлений ЕСПЧ по конкретным делам. Например, при переводе Постановления ЕСПЧ по делу "Бурдов против России"¹⁴, опубликованного в "Российской газете"¹⁵, указывалось следующее: "Суд вновь напоминает, что "судебный иск" МОЖЕТ ПОНИМАТЬСЯ КАК "собственность" по смыслу Статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции в случае, если в достаточной мере установлено, что оно может быть юридически реализовано". В переводах более поздних постановлений по жалобам против России встречаем указание на то, "что "требование" МОЖЕТ ПОНИМАТЬСЯ КАК "собственность" по смыслу статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции"¹⁶ либо ссылку на то, "что "исковое требование" ... может составлять "собственность" по смыслу статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции"¹⁷ (выделено мной. - М.А.). Термин "собственность", употребляемый в указанных постановлениях, не позволяет уяснить смысл и значимость сформулированных ЕСПЧ правоположений.

Вероятно, рассмотрение данного вопроса можно начать с того, что первоначально официальный перевод ст. 1 Протокола N 1¹⁸ был дословно следующим:

"Статья 1

Каждое физическое или юридическое лицо имеет право беспрепятственно пользоваться своим имуществом. Никто не может быть лишен своего имущества иначе

¹² Подробнее см.: Рожкова М.А., Афанасьев Д.В. Правоположения Европейского Суда по правам человека и их значимость для арбитражных судов Российской Федерации // Хозяйство и право. 2007. N 3, 4.

¹³ Комитет Министров в своих рекомендациях указывал следующее: "Необходимое условие эффективной защиты прав человека в Европе с помощью Конвенции состоит в том, что государства применяют Конвенцию в своих правовых системах так, как она понимается в практике Европейского суда" (п. 3 Рекомендации Комитета Министров Совета Европы Rec(2004)5 государствам - членам по вопросу контроля за соответствием проектов законов, действующих законов и практики их применения стандартам, закрепленным в Европейской конвенции по правам человека, принятой 12 мая 2004 г.).

¹⁴ Постановление ЕСПЧ от 7 мая 2002 г. по делу "Бурдов против России", жалоба N 59498/00 (CASE OF BURDOV v. RUSSIA).

¹⁵ Российская газета. 2002. N 120 (2988). 4 июля.

¹⁶ См., например, Постановления ЕСПЧ от 23 октября 2003 г. по делу "Тимофеев против России", жалоба N 58263/00 (CASE OF TIMOFEYEV v. RUSSIA); от 18 ноября 2004 г. по делу "Вассерман против России", жалоба N 15021/02 (CASE OF WASSERMAN v. RUSSIA); от 24 февраля 2005 г. по делу "Макарова против России", жалоба N 7023/03 (CASE OF MAKAROVA v. RUSSIA); от 24 февраля 2005 г. по делу "Плотниковы против России", жалоба N 43883/02 (CASE OF PLOTNIKOVY v. RUSSIA) и др.

¹⁷ См., например, Постановления ЕСПЧ от 30 июня 2005 г. по делу "Тетерины против России", жалоба N 11931/03 (CASE TETERINY v. RUSSIA); от 7 июля 2005 г. по делу "Малиновский против России", жалоба N 41302/02 (CASE OF MALINOVSKIY v. RUSSIA); от 7 июля 2005 г. по делу "Шпаковский против России", жалоба N 41307/02 (CASE OF SHPAKOVSKIY v. RUSSIA); от 12 июля 2005 г. по делу "Солодков против России", жалоба N 67099/01 (CASE OF SOLODYUK v. RUSSIA) и др.

¹⁸ Этот официальный перевод текста Протокола N 1 к Конвенции на русский язык опубликован в Собрании законодательства Российской Федерации. 1998. N 20. Ст. 2143.

как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения ни в коей мере не ущемляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами, или других сборов или штрафов".

Протоколом N 11 к Конвенции текст самой Конвенции и Протоколов к ней был существенно изменен, изменена нумерация ее статей и введены их заголовки.

В частности, ст. 1 Протокола N 1 получила название "Protection of property", что в официальном переводе звучит как "Защита собственности"¹⁹; претерпел существенные изменения и перевод текста самой статьи. Теперь официальный перевод на русский язык ст. 1 Протокола N 1 следующий:

"Статья 1

Защита собственности

Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества, иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения не умаляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов".

Содержащееся сегодня в официальном переводе Протокола N 1 к Конвенции на русский язык указание на "собственность" (в названии самой статьи и ее тексте) представляет собой не что иное, как неточность, допущенную при переводе на русский язык терминов "property" (в названии и абзаце втором текста статьи) и "possessions" (в абзаце первом текста статьи). Термин "собственность", используемый при переводе на русский язык, использован как эквивалент понятию "имущество" (т.е., по сути, в переводе использован "бытовизм"), что подтверждает также и второе предложение абз. 1 рассматриваемой статьи.

Исходя из сказанного и толкования ст. 1 Протокола N 1 в практике ЕСПЧ, представляется ясным, что эта статья предусматривает право на имущество.

Возможно, допустимо было бы смириться с употреблением слова "собственность" в значении "имущество". И с учетом этого нюанса корректно, например, пояснение Д. Гомиен, согласно которому ст. 1 Протокола N 1 гарантирует право, которое "обычно называют правом на собственность"²⁰ (выделено мной. - М.А.).

Однако подмена понятия "имущество" словом "собственность", как выяснилось, осталась незамеченной большинством отечественных юристов. И, казалось бы, небольшая погрешность перевода, вошедшая в текст официального перевода Конвенции, повлекла за собой весьма серьезные негативные последствия.

Прецедентная практика ЕСПЧ свидетельствует о весьма широком толковании им понятия "имущество". Как пишет М. Карсс-Фриск, ЕСПЧ относит к имуществу: "...движимое и недвижимое имущество, материальные и нематериальные интересы, такие как акции, патенты, искомое решение арбитража, право на пенсию, право домовладельца на взыскание арендной платы, экономические интересы, связанные с ведением бизнеса, право заниматься той или иной профессией, правомерное ожидание применения определенных условий к индивидуальной ситуации, требующей правового разрешения, правопритязание и вопрос о посещении кинотеатра зрителями"²¹. Иными словами, под указанное понятие подпадают не только вещи (в классическом их понимании), которые могут принадлежать частным лицам на праве собственности. Под имуществом ЕСПЧ понимает и другое имущество, имущественные права и интересы, а также иные объекты-активы, за которыми признается определенная экономическая ценность (например, создание собственной клиентуры, лицензии на осуществление определенной экономической деятельности и т.п.).

¹⁹ Этот официальный перевод текста Протокола N 1 к Конвенции на русский язык опубликован в Собрании законодательства Российской Федерации. 2001. N 2. Ст. 163.

²⁰ Гомиен Д. Путеводитель по Европейской Конвенции о защите Прав Человека. Страсбург. Издание Совета Европы. 1994. С. 83.

²¹ Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Право на собственность: Сборник. М., 2002. С. 4.

Между тем допущенная неточность перевода явилась источником широко распространенного мнения о том, что в ст. 1 Протокола N 1 закреплено право собственности как одно из основных прав человека²². Это убеждение в том, что анализируемая статья гарантирует "в сущности, право собственности"²³, демонстрирует непонимание разницы между правом собственности и объектами имущественных прав, правом собственности и "экономическими активами", свидетельствует об отождествлении этих понятий.

Результат такой трактовки проявляется в попытках некоторых отечественных юристов применять конструкции права собственности к обладанию лицензией на продажу спиртных напитков, к "доброму имени", к результатам интеллектуальной собственности, к созданию клиентуры и пр. Поскольку такой подход изначально бесперспективен, делается вывод о том, что "категория права собственности в ЕСПЧ (Конвенции. - М.А.) имеет автономное значение, которое может не совпадать с тем, которое принято в национальных правовых системах... Таким образом, на международном уровне действует особое, независимое от внутринациональной интерпретации, понятие права собственности"²⁴. Ну, действительно, как еще в этом случае можно объяснить распространение положений ст. 1 Протокола N 1 на объекты, не обладающие свойством материальности (телесности): результаты интеллектуальной собственности и исключительные права на них, доли в уставном капитале хозяйственных обществ, бездокументарные ценные бумаги, и т.д.

Проанализировав широкий спектр разнообразных "экономических активов", которые ЕСПЧ рассматривает как имущество и признает подпадающими под правило ст. 1 Протокола N 1, можно утверждать, что речь идет не об "автономном значении права собственности", а о весьма прогрессивном подходе ЕСПЧ к толкованию понятия "имущество". Иными словами, можно говорить о том, что ЕСПЧ весьма широко толкует понятие "имущество", обобщая передовые тенденции, еще намечающиеся в национальных правовых системах европейских стран, и распространяя положения ст. 1 Протокола N 1 на все объекты, обладающие экономической ценностью (включая те, которые прямо не признаются объектами гражданских прав в большинстве национальных правовых систем). И в связи с этим можно говорить о реальной значимости правовых стандартов, создаваемых в правовоположениях ЕСПЧ, которые необходимо учитывать при совершенствовании национального гражданского законодательства и при формировании административной и судебной практики.

Резюмируя изложенное, можно утверждать, что для правильного понимания и применения правовоположений, сформулированных в постановлениях и решениях ЕСПЧ, необходимо исходить из того, что ст. 1 Протокола N 1 защищает право на имущество. С учетом расширительного толкования ЕСПЧ понятия "имущества" под положения данной статьи подпадают объекты, имеющие для частного лица экономическую ценность, в том числе, например, право на получение арендной платы, деловая репутация, подтвержденное судебным решением право (требование), право заниматься профессиональной деятельностью и пр.

ЕСПЧ рассмотрел немало жалоб против России, где указывалось на нарушение прав, гарантированных ст. 1 Протокола N 1 к Конвенции. В большинстве случаев у ЕСПЧ не было нужды давать толкование понятию "имущество", поскольку рассматриваемые объекты бесспорно к нему относились, подпадая под понятие объектов имущественного оборота.

Так, в деле "Фризен против России" имуществом являлся автомобиль и личные вещи заявительницы²⁵. При рассмотрении этого дела ЕСПЧ установил следующее. Муж заявительницы был признан виновным в совершении преступления и приговорен к лишению свободы с конфискацией имущества. При конфискации его имущества были конфискованы личные вещи заявительницы, а также автомобиль, принадлежащий ей на праве собственности. Заявительница обратилась в суд с требованием об отмене постановления о конфискации в отношении ее личных вещей и автомобиля, которое

²² См., например: Старженецкий В.В. Россия и Совет Европы: Право собственности. М.: Городец, 2004. С. 46.

²³ Вопросы применения Европейской Конвенции по правам человека: Сборник / Сост. М.Б. Лобов, Ю.Я. Чардина. М., 2001 (<http://www.memo.ru/hr/refugees/sem9rus/index.html>).

²⁴ Старженецкий В.В. Указ. соч. С. 46 и сл.

²⁵ Постановление ЕСПЧ от 24 марта 2005 г. по делу "Фризен против России", жалоба N 58254/00 (CASE OF FRIZEN v. RUSSIA).

судом было удовлетворено в отношении личных вещей заявительницы и отклонено в отношении автомобиля без ссылки на какую-либо норму права.

Как установил ЕСПЧ, такое решение было принято российским судом по той причине, что автомобиль был куплен за деньги, полученные мужем заявительницы незаконным путем, и конфискация автомобиля была направлена на возмещение ущерба, причиненного преступлением. ЕСПЧ согласился с правильностью позиции российского суда о необходимости защиты общественных интересов (как это имело место в данном случае). Однако при этом он указал, что это не освобождало российские судебные власти от обязанности привести юридическое обоснование принятого ими решения (ни при разрешении уголовного дела в отношении мужа, ни в гражданском процессе правового обоснования конфискации автомобиля приведено не было). В отсутствие такого обоснования лишение заявительницы имущества (здесь: принадлежащего ей на праве собственности) не может рассматриваться в качестве законного и является нарушением ее права, гарантированного Конвенцией, - права на имущество.

Но в некоторых случаях квалификация того или иного объекта в качестве "имущества" требовала от ЕСПЧ дополнительных пояснений. И самым ярким примером этому утверждению являются дела, в которых в качестве имущества рассматривалось требование, подтвержденное судебным решением.

В заключение настоящей работы хотелось бы еще раз подчеркнуть, что критикуемая неточность, допущенная при переводе ст. 1 Протокола N 1 к Конвенции, не только создает проблемы при уяснении положений Протокола, но и препятствует надлежащей оценке значимости правоположений ЕСПЧ для развития российского частного права.